

— Хм, — Ань Цзинсин кивнул. Их имена дал лично отец-император, ошибки быть не могло. Долгое время Цзи Юи хвасталась этим, и смысл «быть осмотрительным в речах и поступках», заключённый в его имени, тоже звучал из её уст. Раз они все знали о табу на имена, у императора не было причин не знать об этом.

— При каких обстоятельствах ты позволишь своему сыну носить имя, созвучное с твоим? Или при каких обстоятельствах твой отец позволит кому-то иметь имя, созвучное с его именем? — Лу Яньси постучал пальцем по столу. Ань Жуй был не только родственником Ань Цзинжуя, но и его старшим. После восшествия Ань Жуя на престол простолюдином запретили давать имена, созвучные с иероглифом «Жуй». В таком случае имя Ань Цзинжуя казалось совершенно нелогичным.

Но при этом Ань Жуй был человеком, который очень тщательно подходил к выбору имён для своих сыновей. Как, например, «быть осмотрительным в речах и поступках» для Ань Цзинсина или «наследовать и продолжить родное дело» для Ань Чэнцзи. Если бы Ань Жуй не заметил этого, это было бы совершенно невозможно. Лу Яньси не забыл, что Цзи Юи называла Ань Цзинжуя «Руй-эр». В то время Цзи Юи была на пике своего влияния, и Ань Жуй не мог не слышать, как она обращается к Ань Цзинжую. Но он ничего не сказал, что было весьма странно.

— Отец — человек чрезвычайно гордый, — выражение лица Ань Цзинсина стало серьёзным. В императорской семье можно потерять что угодно, но только не правила и лицо. Имя Ань Цзинжуя явно было проблемой. — В его сердце всё, что связано с ним, является лучшим.

Возможно, из-за того, что в молодости он не пользовался благосклонностью, чем больше он чувствовал себя неуверенно, тем больше становился гордым. После восшествия на престол Ань Жуй не мог слышать ничего плохого о себе, будь то его методы правления или женщины, которых он любил. Даже факт того, что он получил трон благодаря сыну императрицы, не должен был упоминаться. Такой гордый человек, естественно, очень серьёзно относился к своему имени.

— Верно, император — человек чрезвычайно гордый. В его сердце иероглиф «Жуй» является уникальным, — Лу Яньси кивнул. Как говорится, знаешь врага и себя — и в ста битвах не потерпишь поражения. Характер Ань Жуя Лу Яньси понимал очень хорошо.

— Лучшие вещи, естественно, дарятся самым любимым людям, — Ань Цзинсин кивнул, продолжая анализ вслед за Лу Яньси. Однако, произнеся эти слова, он широко раскрыл глаза. Лучшие вещи дарятся самым любимым людям. Согласно характеру отца, как «Чэнцзи» мог сравниться с «Жуй» в его сердце?

— Догадался? — Лу Яньси с самого начала размышлял над этой возможностью, поэтому Ань Цзинсин и подумал, что он рассеян.

— Это нелогично. Любовь отца к третьему брату невозможно подделать, — Ань Цзинсин постучал по столу. Эта мысль была слишком абсурдной. Она не только абсурдна, но и опровергала двадцатилетние убеждения Ань Цзинсина, заставив его на мгновение потерять опору.

Любовь Ань Жуя к Ань Чэнцзи была очевидна для всех. Если бы даже это можно было подделать, это было бы слишком ужасно.

— Да, император действительно любит Ань Чэнцзи, но насколько сильна эта любовь? — С того момента как Лу Яньси заметил странности в именах этих троих, он размышлял над

различными возможностями. — Есть поговорка: «Если дерево выделяется в лесу, ветер его ломает». Ань Чэнцзи, возможно, ещё не достиг этого уровня, но, по крайней мере, заслуживает звания «выдающейся птицы».

Пальца в рот не клади! Ань Цзинсин в этот момент также выпрямился, но всё же чувствовал, что что-то было не так.

— Существует два способа защитить человека. Первый — сказать всем, что этого человека нельзя трогать, иначе последуют серьёзные последствия. Когда все начнут бояться, цель будет достигнута. Но очевидно, что нынешний император не обладает такой властью, — Лу Яньси не скрывал своего презрения к Ань Жую, пальцы по-прежнему постукивали по столу. — А второй — поставить мишень, чтобы отвлечь внимание других.

Слова Лу Яньси ясно указывали на то, что Ань Чэнцзи стал «мишенью» для Ань Цзинжуя. Ань Цзинсин молчал некоторое время, пока наконец не задал вопрос:

— А как насчет драгоценной наложницы? Если у отца были такие планы, она бы не могла этого не заметить. Разве она позволила бы отцу так поступить?

Это был момент, который Лу Яньси также не мог понять. Если всё было так, как он предполагал, реакция Цзи Юи была бы самой странной. Использовать родного сына в качестве прикрытия для приёмного — это не было в характере Цзи Юи. Что же он упустил?

— Кроме того, четвёртый брат никогда не вмешивается в политику, а в последнее время даже является на утренние аудиенции лишь от случая к случаю, — выводы Лу Яньси не могли быть полностью ошибочными, но Ань Цзинсин всё же чувствовал некоторые нестыковки. Ни отношение драгоценной наложницы, ни отношение четвёртого брата не поддерживали его предположения.

Безразличный к политике князь Сяояо? Лу Яньси опустил глаза, вспомнив, как второй брат общался с Ань Цзинжуйем, а также слова, сказанные вторым братом на свадьбе: «Сяояо, похоже, тоже ищет кого-то в Тунчжоу». Впервые он усомнился в характере Ань Цзинжуя.

*

Ань Цзинжуй, о котором сейчас говорили Лу Яньси и Ань Цзинсин, в этот момент находился во дворце Фэнъи и упрашивал Цзи Юи:

— Матушка, согласись уже! Я уже чуть ли не покрываюсь плесенью от безделья! — Ань Цзинжуй смотрел на Цзи Юи с мольбой в глазах, и даже она не могла устоять перед таким взглядом.

— Если тебе скучно, помоги отцу с государственными делами. Сегодня ты снова не был на утренней аудиенции, верно? — Цзи Юи смотрела на своего младшего сына, который не переставал приставать к ней, и у неё начала болеть голова.

— Мне просто неинтересно! — Ань Цзинжуй высунул язык. При виде всех этих дел у него начинала болеть голова, а матушка всё не отпускала его.

— Чэнцзи сейчас болен. Если ты тоже уедешь, что мне тогда делать? — Видя, как Ань Цзинжуй капризничает, Цзи Юи пришлось применить мягкую тактику. Ань Чэнцзи не скоро поправится, и если Ань Цзинжуй уедет сейчас, то, когда Ань Чэнцзи очнется, ей не будет места в этом дворце.

— Это... — Ань Цзинжуй заколебался. Он и так редко бывал дома, а теперь, когда третий брат постоянно болеет, если он уедет, не почувствует ли матушка себя одинокой? Но...

В тот момент, когда Ань Цзинжуй метался в сомнениях, у двери раздался зрелый и властный мужской голос:

— О чём вы тут говорите?

Услышав этот голос, Цзи Юи и Ань Цзинжуй встали со своих мест и повернулись:

— Сын приветствует Императора.

— Ваша слуга приветствует Императора.

— Не вставайте, — сказал Ань Жуй, подходя к месту рядом с Цзи Юи и садясь. Он повторил свой вопрос:

— О чём говорите?

Судя по состоянию Ань Жую, его настроение было прекрасным. Действительно, в последнее время из-за настойчивости старшего сына Ань Жуй был крайне раздражён, но по какой-то причине Ань Цзинсин снова стал сдержанным. Кроме того, пришли хорошие новости о здоровье наложницы Мэй, что подняло настроение Ань Жую.

— Руй-эр хочет уехать из столицы. Император, уговорите его, пожалуйста! — Цзи Юи, зная Ань Жую, сразу поняла его настроение и, не задумываясь, сказала это с ноткой кокетства в голосе.

— Хочешь уехать из столицы? Куда? — Ань Жуй, увидев редкую женскую мягкость Цзи Юи, почувствовал лёгкое волнение, но не забыл, что Ань Цзинжуй был рядом, и повернулся к нему с вопросом.

— Хочу отправиться на юг, сначала в Цзяннань, потом в Чучжоу, а затем посмотреть на Хунну. По пути загляну в свои владения. — Маршрут был уже продуман, и когда Ань Жуй спросил, Ань Цзинжуй тут же выпалил это. Его лицо выражало неподдельное оживление, словно он с нетерпением ждал этого путешествия.

<http://bllate.org/book/16474/1496877>